

Трое отправились в Lawson на обед. Си Юнь, как обычно, купил себе говяжий рис, Сюй Сяюань взял два куриных сэндвича и коробочку горчицы, а Инь Чжосин, который всё ещё сидел на диете, купил только рисовый шарик с мясом.

Выбирая место, Си Юнь тактично не сел между ними, а выбрал угол, делая вид, что рассматривает пейзаж за окном.

Сюй Сяюань, увидев рисовый шарик в руке Инь Чжосина, нахмурился:

— Почему так мало?

— На диете, — ответил Инь Чжосин, откусив маленький кусочек шарика и невинно глядя на него.

Сюй Сяюань серьёзно сказал:

— Ты и так уже очень худой.

Инь Чжосин закашлялся:

— Пожалуйста, я набрал восемь-девять фунтов!

Затем он остановился и с игривым взглядом добавил:

— Сяюань-гэ, у тебя что, странные фильтры на меня?

Сюй Сяюань ненадолго замолчал, словно обдумывая, как ответить. В конце концов он сказал:

— В глазах влюблённого даже уродина красавица.

— Сюй Сяюань! — Инь Чжосин нарочито сердито посмотрел на него, но в его взгляде читалась слабость. — Если не умеешь говорить, лучше молчи.

Сюй Сяюань сохранял свой обычный холодный и спокойный вид, но в его голосе чувствовалась лёгкая уверенность:

— Не замолчу.

— Иначе как есть?

Он аккуратно намазал горчицу на хлеб сэндвича и откусил ровно столько, сколько нужно.

Инь Чжосин надулся:

— Тебе лучше придерживаться своего образа ледяного человека, говори поменьше!

Си Юнь прятался в стороне и хихикал.

Обычно он был тем, кого Инь Чжосин дразнил, но теперь, видя, как тот сам попал впросак, он не мог сдержать внутреннего злорадства.

Инь Чжосин обиженно замолчал, мрачно разжёвывая рисовый шарик, который становился всё безвкуснее.

Си Юнь, однако, был впечатлён «остроумием» Сюй Сяюаня и подумал, что этот, казалось бы,

молчаливый человек не так уж и скучен. Поэтому он через Инь Чжосина начал разговор с Сюй Сяюанем:

— Ты любишь острое?

Он был северянином, и в его семье никто не любил острое, поэтому дома еда готовилась без специй. Он считал, что и сам не любит острое, пока в начальной школе одноклассник не повёл его в сычуаньский ресторан, и тогда он открыл для себя новый мир.

Однако, поскольку ему часто приходилось петь, Сюй Сяюань обычно ограничивал себя в еде, чтобы не повредить голос. Лишь изредка он позволял себе острое.

Сегодня, после записи оценки заглавной темы, он почувствовал облегчение и решил побаловать себя любимым вкусом.

— Совпадение, я тоже люблю острое! — Си Юнь погладил подбородок. — Но горчицу я ещё не пробовал.

Сюй Сяюань с готовностью протянул ему оставшуюся горчицу:

— Можешь попробовать.

Пока два «любителя острого» общались, Инь Чжосин, подперев щеку, тихо фыркнул:

— Духовный сычуанец.

Ещё в Сеуле, когда Инь Чжосин впервые узнал, что Сюй Сяюань любит острое, он так его и назвал.

Услышав это, Сюй Сяюань почувствовал лёгкую радость. Ему нравилось через случайные слова Инь Чжосина вспоминать моменты, которые знали только они двое.

Это создавало иллюзию, что всё осталось как прежде.

— Возьми это, одного рисового шарика тебе не хватит, — Сюй Сяюань, купивший два сэндвича, в итоге отдал один Инь Чжосину.

Инь Чжосин поднял на него взгляд:

— А ты?

— Куплю ещё, — ответил Сюй Сяюань. — В следующий раз ты угостишь меня.

Инь Чжосин долго смотрел на него, но в итоге взял нераспечатанный сэндвич.

Инь Чжосин был человеком с мягким характером, и его маленькая обида к концу обеда полностью рассеялась.

Попивая клубничный йогурт, он взглянул на запястье Сюй Сяюаня и спросил:

— Где твой напульсник?

Сюй Сяюань обычно носил два напульсника, но сегодня был только один.

— Потерял, — ответил Сюй Сяюань. — Позавчера я постирал его и повесил на балконе, наверное, ветер унёс.

— А... — Инь Чжосин снова стал сосредоточенно пить йогурт.

Хотя объяснение Сюй Сяюаня звучало правдоподобно, ему казалось, что здесь что-то не так.

После обеда Си Юнь решил немного прогуляться, чтобы помочь пищеварению, и отправился на небольшую площадь у здания. Остальные двое решили вернуться в общежитие, чтобы отдохнуть.

По пути в общежитие Сюй Сяюань спросил Инь Чжосина:

— Стало ли тебе легче после еды?

Инь Чжосин улыбнулся:

— Значит, ты угостил меня сэндвичем, чтобы поднять мне настроение?

— Хотел, чтобы ты наелся и стал счастливее, половина наполовину, — Сюй Сяюань смотрел на него своими глубокими глазами и серьёзно сказал:

— Через пару дней, когда объявят результаты оценки, начнётся запись клипа на главную тему. Даже если ты не будешь в первых рядах, ты должен выступить как можно лучше. Это же ты, правда?

Услышав слова Сюй Сяюаня, Инь Чжосин почувствовал, как груз с его души спал. Он слишком долго был вдали от напряжённой среды и почти забыл, каким упорным он был раньше.

Неважно, где ты находишься, даже если тебя не видят, ты должен выкладываться по максимуму. Это и есть Инь Чжосин.

— Ты прав, — Инь Чжосин наконец расслабился и улыбнулся. — Нужно хорошо поесть, чтобы выступить на записи клипа как можно лучше.

Он похлопал Сюй Сяюаня по плечу и тихо сказал:

— Спасибо за сэндвич и за то, что утешил меня.

Как три с половиной года назад, так и сейчас, Сюй Сяюань всегда был тем, кто понимал его лучше всех.

— Кстати, я слышал, что послезавтра ты уезжаешь снимать рекламу? — Инь Чжосин вспомнил об этом и усмехнулся. — Ты только начал участвовать в шоу, а уже снимаешь рекламу для спонсоров, поздравляю.

Его восхищало не то, что Сюй Сяюань снимает рекламу, а то, что он сможет на день воспользоваться телефоном.

С тех пор как телефоны забрали, Инь Чжосин чувствовал, что время тянется медленнее.

Сюй Сяюань кивнул и добавил:

— Не только я, но и Сун Янь с Фань Цзяцзэ.

— Ты точно с ума сойдёшь от них, — Инь Чжосин подмигнул, явно наслаждаясь ситуацией.

Сюй Сяюань тоже вздохнул. Людей выбирали спонсоры, и он не мог выбирать партнёров. Хотя Сун Янь и Фань Цзяцзэ были шумными, ему пришлось смириться.

Только они поднялись по лестнице в общежитие, как из коридора на третьем этаже раздался знакомый голос. Низкий и слегка шумный, он принадлежал Тянь Хуаню.

Рэперы в шоу часто были болтливými, и Тянь Хуань, идя рядом с Хань Цзюньвэнем, продолжал тараторить:

— Ты, дурак, теперь всё пропало: оценка провалена, реклама не светит, даже вкусной еды не будет, счастье резко упало! Эй, не говори со мной, замолчи! Закрой рот, горло тебе ещё нужно!

Хань Цзюньвэнь, который только начал открывать рот, снова закрыл его, покорно слушая Тянь Хуаня.

— Сколько тебе уже лет, Хань Цзюньвэнь, как ты до сих пор не научился заботиться о себе? Хотя в нашей группе только мы двое, ты же капитан! Если капитан сдаст, то какой смысл в соревнованиях? Теперь, когда я пою, я думаю о твоём ужасном горле, и у меня тоже пропадает голос! — Тянь Хуань обнял Хань Цзюньвэня за плечи и продолжал «ругать» его. — Чтобы я мог спокойно выступить, ты должен быстрее поправиться, понял?

Хань Цзюньвэнь кивнул, показывая, что понял. Затем он покачал головой, давая понять, что не может контролировать, как быстро поправится его горло.

Тянь Хуань, понимая его без слов, вздохнул и нежно погладил голову капитана:

— Поглажу собачью голову, добавлю тебе бафф, быстрее поправляйся.

Хань Цзюньвэнь позволил ему это, его взгляд был спокойным и мягким.

Услышав слова Тянь Хуаня, Сюй Сяюань невольно вспомнил, как на лице Инь Чжосина мелькнула боль, когда тот допустил ошибку. Он повернулся к Инь Чжосину и тихо сказал:

— Я тоже такой.

<http://bllate.org/book/16221/1456887>